

БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для начальной школы

ВСЯ
ШКОЛЬНАЯ
ПРОГРАММА!

УНИКАЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ!

Сказка о молодильных яблоках и живой воде

**Серия «Хрестоматии
для начальной школы»**

**Серия «Большая хрестоматия
для начальной школы»**

**Серия «Древнерусская литература
и устное народное творчество»**

Серия «Русские народные сказки»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3489175

Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал. Слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с

молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко – помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу – будет видеть...»

Содержание

Сказка о молодильных яблоках и живой воде

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал. Слыхал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко – помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу – будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

– Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

– Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Идёт Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неёзженного, уздает узду неузданую, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою – не ради красы, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечера – красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трёх дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь – себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь – коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь – женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женату быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

– Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать¹.

– Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

– Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в те-

¹ Почивать – то же, что спать.

рем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли, царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

– Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

– Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь – себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь – коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь – женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женату быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать:

– Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, он и полетел в подполье.

А там спрашивают:

– Кто летит?

– Василий-царевич. А кто сидит?

– Фёдор-царевич.

– Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

– Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет. Выходит Иван-царевич и говорит:

– Дай мне, батюшка, благословеньице с буйной головы до резвых ног ехать в тридесятое царство – по-

искать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать ещё моих братцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор – выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит, тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идёт, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

– Здравствуй, дитяtko Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

– Как же мне, бабушка, не печалиться – не могу найти коня по разуму.

– Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять – будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко доброму коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич – не шелохнётся. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздой неузданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою – не ради красоты, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели,

что сядил, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать – коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать – женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать – коня спасти. Эта дорога – самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти – себя потерять.

Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечера – красна солнышка до заката – и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит Баба Яга старых лет. Шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

– Фу, фу, – говорит, – русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

– Ах ты, Баба Яга, костяная нога, не поймавши птицу – теребишь, не узнавши молодца – хулишь²! Ты бы

² Хули́ть – осуждать, бранить.

сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постель собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать – чей да откуда.

Вот Баба Яга это дело всё справила – Ивана-царевича накормила, напоила и на постель уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

– Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

– Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки – у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

– А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

– Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу Ягу за ночлег и едет на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

– Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

– В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст про-
скакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до
ночи коротается. И завидел он впереди избушку на ку-
рье ножке, об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко
мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему пере-
дом.

Вдруг слышно – конь заржал, и конь под Иваном-ца-
ревичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это Баба Яга – ещё старее той – и гово-
рит:

– Фу, фу, русского духу слыхом мне не слыхано, ви-
дом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

– Ах ты, Баба Яга, костяная нога, встречай гостя по
платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала,
меня бы, добра молодца, дорожного человека, накорми-
ла, напоила и спать уложила...

Баба Яга это дело справила – коня убрала, а Ива-
на-царевича накормила, напоила, на постель уложи-

ла и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

– Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

– А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

– Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня знает, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу Ягу за ночлег и едет на её коне. А этот конь ещё бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

– Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

– В кою пору ты говорил, я уже триста верст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера – красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке,

об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо Баба Яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела – конь её сестры, а седок чужестранный молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят – ночлег нужен каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба Яга всё дело справила – коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

– Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, – сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства – стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража – трид-

цать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь до стены – и бей коня по бокам плетью нехлёстанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девушка Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом замечает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, едет и доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит – тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлёстанной. Конь осерчал³ и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит – стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двена-

³ Осерчать – рассердиться.

дцати рылец. И захотелось ему самому увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят по одну сторону шесть полениц – девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел...

Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

– Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

– Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой – на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась и увидела пропажу:

– Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей Бабы Яги, а у неё уж конь выведенный, готовый.

Он – со своего коня да на этого и опять вперёд поскакал. Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка – в дверь и спрашивает у Бабы Яги:

– Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

– Нет, дитятко.

– Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

– Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

– Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

– Что ты, дитятко, живо справлю...

Пошла Баба Яга доить корову – доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней Бабы Яги, коня сменил и опять погнал. Он – за дверь, а девица Синеглазка – в дверь:

– Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

– Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

– Да ты долго печь будешь.

– Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла Баба Яга блинков – печёт, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей Бабы Яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он – за

дверь, девица Синеглазка – в дверь и спрашивает у Бабы Яги, не проезжал ли добрый молодец.

– Нет, дитяtko, а ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

– Да ты долго топить будешь.

– Что ты, дитяtko, живо справлю...

Истопила Баба Яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом замечает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой – девицей Синеглазкой – ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка насккивает и кричит ему:

– Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

– Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакивали на три прыска лошадиных, брали палицы⁴ боевые, копыя долгомёрные, сабельки острые. И съезжались три раза: палицы поломали, копыя-сабли исцербили

⁴ Палица – старинное оружие – тяжёлая дубинка с утолщённым концом.

– не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера – красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девушка Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный⁵ – пороть ему белу грудь, Иван-царевич и говорит ей:

– Не губи меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними с сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девушка Синеглазка подняла Ивана-царевича с сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они обручились и перстнями обменялись. Девушка Синеглазка ему говорит:

– Я поеду домой – и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, – не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, – доезжает Иван-царевич до расстаней, до трёх дорог, где плита-камень, и думает:

⁵ Булатный – сделанный из твёрдой стали.

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушал он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьёвы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом – маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица:

– Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

– Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

– Кто там живой?

А из ямы отвечают:

– Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул – они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой

водой – стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до расстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

– Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул. Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

– Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок – будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

– Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит: только небо и вода и под старым дубом у моря птенцы пищат – бьёт их непогода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов накрыл, а сам укрылся под дубом.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

– Детушки мои милые, не убила ли вас погода-ненастье?

– Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

– Для чего ты сюда попал, милый человек?

– Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

– Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

– Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

– Достань мне два чана – пудов по двенадцати – мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклат, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой – на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит ввышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у

себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

– Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три кусочка вырыгнула:

– Приставь их на место.

Иван-царевич приставил – мясо приросло к костям.

– Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкую го́ль⁶ и давай гулять по кабака́м⁷.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собра-

⁶ Голь – оборванцы, нищие, беднота.

⁷ Каба́к – питейное заведение.

ла войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами⁸ цветными. И посылает в столицу царю сказать:

– Царь, отдай царевича. Не отдашь – всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон⁹ возьму.

Царь испугался и посылает старшего – Фёдора-царевича. Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

– Нет, детушки, это ваш дяденька.

– А что прикажешь с ним делать?

– А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трості и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю.

– Отдай царевича!

Пуще испугался царь и посылает среднего – Василия-царевича. Он подходит к шатру. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

⁸ Сукно – плотная ткань.

⁹ Полон – плен.

– Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс. А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

– Ступайте, ищите третьего сына, Ивана-царевича! Не найдёте – всё царство потопчу, пожгу!

Царь ещё пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всём повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке, и с ним идёт голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идёт с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

– Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на

нѣм сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир – честным пирком да за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора – ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.